

Попытка договориться с Цзян Мочжу так ни к чему и не привела. Вернувшись, Ли У в одиночестве забился в комнату. Он прокручивал случившееся снова и снова, ломая голову и сгорая от запоздалого раскаяния. Знай он заранее, в какую мышеловку угодит, ни за что не стал бы судорожно искать помощи в сети. Теперь же об этой конфузной истории гудела вся Федерация.

Единственным плюсом в этом кошмаре оставалось то, что четыре втянутые в дело стороны опасались друг друга. Взаимное сдерживание мешало им пойти на крайности, удерживая ситуацию в хрупком, шатком равновесии.

Ли У уже сменил и телефон, и сим-карту. Старый аппарат пылился в глубине выдвижного ящика — парень боялся даже просто запустить его. Одно лишь представление о том, какой цунами из пропущенных звонков и сообщений хлынет на экран стоит нажать кнопку питания, заставляло сердце сжиматься от липкого страха. Там наверняка донимали расспросами приятели, разведывали сплетни коллеги и шпыняли лукавой «заботой» родственнички — те самые, что вспоминали о его существовании лишь ради сочного зрелища. Он не смел к нему даже притронуться.

Родителей он лишился еще в раннем детстве. Мальчишку, точно футбольную покрышку, футболили от одного родича к другому. Назвать те годы беспросветным адом нельзя — с голоду не умер, одет-обут был, — но и хорошего оказалось мало. Горький хлеб чужого дома он вкусил сполна, и эта горечь отравила все его детство и юность.

Потому и решение жениться, а затем развестись он принимал сам, в одиночку встречая последствия. Вероятно, именно из-за детской неукоренности Ли У до судорог, до упрямого отчаяния мечтал об очаге. Ему сильнее кого бы то ни было хотелось иметь собственный угол и рядом — надежного спутника, с которым можно делиться теплом, заботиться друг о друге и идти рука об руку.

Все эти годы он старательно учился, честно трудился, никому не желал зла и вел себя безупречно. Кто же знал, что в один миг его репутация рухнет в грязь, а личная жизнь окажется заклеимена как откровенный притон и бардак?

Ли У, вообще-то, тоже было до безумия обидно.

Цзян Утун сочувственно посоветовал:

— Может... бросишь это дело? Только силы попусту тратишь. По-моему, проще дожидаться окончательного решения суда.

Ли У и сам склонялся к тому, что другого выхода нет. Но тут на дыбы встал Ци Иньхуай.

Узнав, что Ли У встретился с остальными троими, а его одного обделил вниманием, юноша мгновенно впал в ярость. Ли У без труда представлял его в этот момент: привлекательное лицо

перекошено от обиды, уголки губ поджаты, а в глазах мешается злость с глубоким разочарованием. Точь-в-точь крупный пес, которого забыли взять на прогулку.

Сотрудники центра медиации тоже сбились с ног. Один из них шепнул Ли У по секрету:

— Господин Ци приходит едва ли не каждый день. Требуется аудиенции и слушать ничего не хочет...

Справиться с Ци Иньхуаем и раньше было задачей не из легких. Тяжело вздохнув, Ли У сдался:

— Ладно... организуйте встречу.

Иначе этот упрямец точно камня на камне от здания не оставит.

Перед визитом Ли У долго пытался морально подготовиться. Он прекрасно понимал: с Ци Иньхуаем договориться по-хорошему не выйдет.

Этот парень отличался редким, почти ослиным упрямством. Стоило им несколько раз оказаться в одной постели, как тот вбил себе в голову бред о «долге и ответственности» и мертво ухватился за идею брака.

В то время Ли У только-только расстался с Цзян Мочжу. И хотя оставаться в одиночестве не хотелось, бросаться во второй брак очертя голову он не планировал. Напор и пылкие ухаживания Ци Иньхуаы выбивали из колеи, заставляя сомневаться и отступать.

После очередной бурной ночи, когда в спальне еще витал сладкий хмель страсти, а распаленные тела покоились в сплетении рук, Ци Иньхуай лежал на боку, крепко обнимая его за талию. И вдруг без всякой прелюдии выдал:

— Давай поженимся.

— ... Чего? — оброненное слово обухом дернуло Ли У по голове. Вздуродженный нежностью разум мгновенно прояснился, и парень решил, будто ему послышалось.

Ци Иньхуай приподнялся на локтях и навис сверху, насупив брови:

— Что? Не хочешь?

В голосе юноши отчетливо позвякивали стальные нотки недовольства.

— Это... как-то слишком скоропалительно, не находишь? — Ли У старался говорить мягко, но потрясение скрыть не удалось.

Ответ Ци Иньхуаю ничуть не понравился. Лицо его потемнело, взгляд стал тяжелым, а фраза прозвучала резко, грубо и с нелепой, смешанной с обидой праведной гордостью:

— Вообще-то до тебя я был девственником! Так что нечего тут задирать нос, получив свое.

Ли У от подобного заявления потерял дар речи, заливаясь краской до самых ушей:

— Я... но... ведь...

— Никаких «но», — перебил его парнишка, наводя глянец на свой ультиматум. — Ли У, да ты радоваться должен! Я хранил чистоту! По-хорошему, мне следовало искать кого-то без прошлого, но... так и быть, ради тебя сделаю исключение.

Ли У не знал, плакать ему или смеяться, и попытался остудить этот юношеский пыл:

— Сбавь обороты, остынь... Брак — это не игрушки, к тому же ты еще совсем юн...

Понимая, что парень витает в облаках от нахлынувших чувств, он снизил тон:

— Перестань паясничать. Сколько мы вообще знакомы? Не бросайся такими словами.

Ци Иньхуай, обладавший цепким умом, мгновенно среагировал:

— А со своим мужем... то есть с бывшим, ты сколько пробыл до свадьбы?

Ли У мгновенно поперхнулся словами.

«Ты про какого из них спрашиваешь?»

Однако произнести это вслух он не посмел. Скажи он такое — и взрывной пороховой погреб по имени Ци Иньхуай взлетел бы на воздух. Да и беречь прошлое желания не было. С Цзян Мочжу они действительно расписались спешно, но тогда обстоятельства сложились совершенно иначе! Как вообще можно сравнивать эти случаи?

— Кто паясничает?! — Ци Иньхуай сдвинул брови, с фанатичным упрямством глядя ему в глаза. — Я себе клятву дал: кто меня добудет, с тем и под венец пойду!

— Да ты в своем уме?.. — опешил Ли У от такой дремучей логики. — Забеременеть я от тебя не могу... да и ты вроде тоже не в том положении?

— Ли У, заявляю со всей ответственностью: в семье Ци строжайшие устои! — без тени смущения выдал юноша. — По заветам предков первый раз принадлежит исключительно будущей супруге. Позорить род я не намерен!

Распаляясь все сильнее, парень дошел до пафосной трагедии:

— Я отдал тебе самое дорогое, так что свадьба — это лишь запоздалое оформление факта! А если откажешься отвечать за содеянное... Отец у меня военный старой закалки, он мне лично ноги из автомата перестреляет!

«Что за средневековый пережиток у него в голове?!»

Похлопав глазами, Ли У попытался намекнуть на альтернативу:

— А... поискать иной выход ты не пробовал?

Ци Иньхуай кивком разрешил продолжать.

— Расста...

— Никаких «расстаться»! — перебил его юноша на полуслове. — Молчи лучше! Нам и так замечательно.

Взгляд его налился свинцовой обидой:

— То есть брать на себя ответственность ты отказываешься?

Он рывком слез с кровати:

— Отлично! Чем ждать, пока старик прибьет меня до смерти, лучше я сам сведу счеты с жизнью!

И с этими словами парень действительно подскочил к окну, распахнул створки и занес ногу над подоконником!

— Ци Иньхуай! Ты совсем сдурел?! — у Ли У от страха едва не остановилось сердце. Сдернув одеяло, он слетел с кровати и коршуном бросился за упрямцем, мертвой хваткой вцепившись ему в талию.

В комнату ворвался ледяной ночной сквозняк. Ли У передёрнуло, хмель окончательно выветрился из головы.

— А ну слезай! Поговорим нормально! Это же шестой этаж!

Ци Иньхуай застыл с выражением «не согласишься — прямо сейчас сгину»:

— Не о чем нам разговаривать! Раз мы чужие люди, моя смерть тебя не касается. Только передай бате, что его непутевый сын посрамил честь рода и ушел из жизни, не смея глядеть ему в глаза!

С этими словами он занес вторую ногу за раму и сделал вид, что прыгает!

— Я отвечу! За всё отвечу! Слезь только! Ну же, слезай!

Едва эти слова сорвались с губ Ли У, Ци Иньхуай ловко подался назад и мягко спрыгнул на паркет. От его трагической решимости не осталось и следа — в глазах горел торжествующий, довольный огонек.

— Ты сам сказал! Назад пути нет!

Ли У с огненно-красными от перепуга глазами стоял перед ним, тяжело дыша и дрожа всем телом:

— ... Не смей умирать.

Увидев, до какого состояния довел партнера, Ци Иньхуай прижал его к себе, заговорив заметно мягче, но гнуть свою линию не перестал:

— Поженимся — и буду жить долго и счастливо.

Колени Ли У подогнулись, он бессильно уткнулся носом ему в грудь и выдохнул:

— Паршивец...

«Паршивец» наклонился и с чувством звонко поцеловал его в горячую щеку, сжав объятия еще крепче.

Ли У полагал, что в кабинете его ждет один лишь Ци Иньхуай, и судорожно подбирал слова, дабы утихомирить этот взрывоопасный ураган.

Однако, переступив порог и разглядев статного мужчину средних лет в идеально отглаженном кителе, стоявшего подле парня и излучавшего строгую, незыблемую власть, Ли У окончательно оторопел.

Перед ним стоял отец Ци Иньхуая — знаменитый начальник Главного управления Ци.

Если честно, подобные знакомства с родителями всегда наводили на Ли У панику. А уж учитывая сказки о «строгих устоях» и «священных заветах», начальник Ци, узнав о любовных похождениях сына сразу с несколькими партнерами, должен был разразиться громами и молниями, проклиная бесстыдника, поправшего нормы морали и запятнавшего честь фамилии.

Ли У не смел даже вскинуть взгляд. Ему хотелось пасть на колени перед суровым генералом и слезно молить о прощении: «Виноват, начальник Ци! Согрешил, поддался искушению и осквернил ваш драгоценный единственный росток...»

А сам Ци Иньхуай тем временем изо всех сил подавал Ли У загадочные знаки, усиленно стреляя глазами и корча физиономии. В простонародье — подмигивал.

Но Ли У, сгорающий стыдом и виной, мечтал лишь об одном: провалиться сквозь землю. За всю встречу он так и не осмелился взглянуть на парня.

В переговорной начальник Ци повел себя неожиданно обходительно и даже с некоторой отцовской теплотой. Тяжело вздохнув, он проговорил с сочувственной укоризной:

— Избаловали мы его с матерью, совсем от рук отбился. О таком серьезном шаге — и ни словом не обмолвиться с родителями!

— Да как же не обмолвился?! — буркнул Ци Иньхуай, надувшись. — Я всё говорил! Вы сами были против!

Генерал без промедления отвесил сыну легкий подзатыльник:

— Это не дает тебе права действовать за нашей спиной!

Парень схватился за затылок и тут же уставился на Ли У вопящим от обиды взглядом.

Ли У виновато поджал губы:

— Я... я тоже виноват.

Однако, взглянув на парня, начальник Ци вновь сменил гнев на милость, улыбнувшись мягко и по-доброму:

— К тебе у меня никаких претензий. Я прекрасно знаю характер этого шалопая. Стоит ему закусить вожжи — чистый разбойник. Наверняка наплел сорок бочек арестантов и заставил тебя уступить.

Ли У уже мысленно готовился к классической сцене из мыльных опер — сейчас строгий отец вытащит чек и предложит кругленькую сумму, лишь бы негодник оставил его сына в покое.

Но начальник Ци действительно достал из кармана банковскую карту и пододвинул её по столу. Вот только произнес совсем иное:

— Это скромный подарок от его матери, возьми. Не переживай ни о чем. Как только вся эта канитель уляжется, мы сыграем вам пышную свадьбу, как и полагается.

Ли У окончательно потерял дар речи:

— ... А?

Видя его растерянность, начальник Ци проговорил еще более мягко и ободряюще:

— Не бойся. Положения и связей у меня хватит, чтобы защитить вашу семью и уладить проблемы.

Ци Иньхуай сбоку закивал головой, точно китайский болванчик:

— Вот-вот, именно!

— Не стесняйся, — с улыбкой поддержал его генерал. — Если есть какие-то пожелания или сомнения — выкладывай начистоту.

Парень снова закивал:

— Да-да, говори прямо!

Глядя на весь этот абсурд, совершенно выбивавшийся из разумных рамок, и на сияющую физиономию Ци Иньхуая, безмолвно кричавшую: «Соглашайся скорее!», Ли У понял, что заготовленные слова о расставании застряли у него в горле намертво.

<http://bllate.org/book/19923/1992684>